

Писатель — читателю

СЮЖЕТЫ РОЖДАЕТ ЖИЗНЬ

Газета продолжает разговор о творческой лаборатории писателя. Сегодня под нашей традиционной рубрикой выступает известный прозаик

Григорий БАКЛАНОВ.

Обычно я могу назвать тот момент, когда возникает будущая книга. Она возникает целиком, вся. Это счастливый момент. Сознание начинает работать с удивительной ясностью, словно вдруг прозреваешь. Впрочем, и слепнешь одновременно, потому что все остальное исчезает из поля зрения, видишь только этот, в тебе возникший мир.

И так захватывающе интересно смотреть его.

Конечно, со временем многое в книге изменится: ведь месяцы, а то и годы будут длиться работа. Но как первое впечатление о человеке бывает порой самым верным, так и это ощущение будущей книги остается, как некий идеал, которого стараешься достичь. Собственно, работа в том и состоит, чтобы приблизиться к идеалу. Достичь его не удается никогда. Он удаляется по ме-

ре приближения, этот мысленный горизонт. А может быть, он вообще недостижим.

Тем отрезком пути, пройти который не хватило умения или способностей, расстоянием между задуманным и сделанным определяется успех или неуспех книги. Я говорю лишь о своем опыте, а не формулирую некие абстрактные законы.

Так вот, возникает вещь сразу. Вся. И тут же хочется сесть и писать ее. Старый опыт ничему не учит, снова веришь, что напишется книга мгновенно.

Беда в том, что случается все это, как правило, посреди другой работы. Когда ты уже порядком устал ежедневно делать над собой усилие, сажать себя за письменный стол и писать, даже если тебе не хочется, когда уже завидуешь людям, которые в силу их профессии обязаны ежедневно ходить на работу.

Вот в такие моменты приходит искушение начать новую вещь. Знаешь, что чужно себя дисциплинировать, что начатую работу оставлять нельзя. Если б нам еще было дано исполнить все то, что мы знаем...

«Карпухина» я начал писать именно в такой момент, когда порядком устал, работая над романом «Июль 41 года». Толчком послужил случайный разговор в электричке. По собственному опыту знаю, что толчком может явиться любое событие, даже строчка, прочитанная в книге... Рассказывали о шофере, который сбил человека, был судим, получил срок. Кто не слышал подобных историй? Кто не знает их? И я знал их множество. Знал необычайные, захватывающие, полные хитросплетений, многосерийные, как теперь все чаще и чаще говорят. Но в этой истории были та обыденность, та непридуманность и простота, которые отличают подлинную жизнь. А главное, она прилась мне впору в нужный момент, и почва была готова...

Я знал, что хочу рассказать, я видел зримо этого человека, Карпухина, его толстую кожу на сгибах пальцев, словно не чувствительную к боли, ясно чувствовал запах подоконника, на котором, упав лицом, плачет его беременная жена, запах коридоров судебного учреждения, каков он сейчас и каким он ей вспоминаться будет в долгие, одинокие ночи...

Но все же начинать рассказ надо было не с самого Карпухина. И не с нее. А раньше — о другом человеке, которому жить осталось недолго: последний вечер. Еще ничего не началось, но они уже были связаны друг с другом: Карпухин и этот человек, Мишаков...

Первая глава была написана быстро, как только нашлась интонация. А дальше все застыло. Может быть, рано взялся, но скорей всего потому, что я не умею делать два дела одновременно. Опять думалось об «Июле 41 года», этот роман заслонял все. Покойный Алек-

сандр Трифонович Твардовский, с которым я как-то разговаривал о подобных вещах, помнится, сказал так: это как сообщающиеся сосуды: из одного берешь и в другом убавляется.

Наверное, так оно и есть. Во всяком случае, я отложил повесть и писал, уже не отвлекаясь, «Июль 41 года». Ушло на него два с половиной года, хотя задуман он был много раньше. Но все это время Карпухин не забывался. Хотя и не очень напоминал о себе. Однако в жизни я соответственно продолжал видеть то, что с ним связано. А на ловца, как известно, и зверь бежит. Он потому бежит, что ты ловить вышел, приготовился, а не стоишь, разиня рот, и смотришь в другую сторону.

Стали мне попадаться дела о людях, которых я знал, с которыми все что-то случилось... И все вместе это дало атмосферу повести. А каждый из людей, чьи судьбы прошли передо мной, что-то дал свое персонажем повести. Ведь ни у одного из героев ее, в том числе и у Карпухина, нет прямого прототипа, никто не написан с натуры.

В целом эту повесть я написал сравнительно быстро, если исключить долгий перерыв.